

**Тембровые особенности
жанров бурятского музыкального фольклора¹**

В современной этномузыкологии давно осознана необходимость фиксации и описания тембровой стороны традиционных музыкально-культурных феноменов, обладающей ярко выраженной этнической спецификой. Это тем более актуально для музыкально-фольклорных систем коренных сибирских народов, в которых тембры являются не только важнейшим музыкально-выразительным средством, но и могут выступать в роли системно значимого признака, различающего жанровые традиции (см., например, [6; 7]).

Сказанное в полной мере относится и к бурятской интонационной культуре, ранее не рассматривавшейся с точки зрения ее тембровой организации. Бурятские музыкально-фольклорные жанры – эпос, песни, колыбельные укачивания, поющие скотоводческие заговоры, прославления победителей спортивных состязаний и пр. – различаются не только по ладовому и ритмико-архитектоническому [9], но по тембровому критерию. Данная работа, подготовленная на основе изучения экспедиционных материалов² и некоторых опубликованных аудиозаписей бурятского фольклора [1; 3; 10], отражает первоначальный этап исследования, связанный с общим описанием тембровой стороны отдельных жан-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант №11-04-18046е.

² Аудиозаписи песен, колыбельных укачиваний, скотоводческих заговоров, прославлений победителей спортивных состязаний, сделанные Н.М. Кондратьевой, О.В. Новиковой, Н.С. Капицыной, А.А. Качусовой, Э.Б. Дынженовой и Р.Н. Павловой (в 2003 г.), О.В. Новиковой и Д.Д. Дондуповым (в 2006 г.) в Еравнинском р-не (РГНФ, гранты №№ 03-04-18025е, 06-04-18023е), О.В. Новиковой и Д.Д. Дондуповым в Кабанском р-не Республики Бурятия (в 1997 г.).

ровых традиций восточно- и западно-бурятской этнолокальных общностей по методике В.В. Мазепуса [4] и под его руководством.

Наиболее полную в статистическом отношении тембровую картину дает песенная традиция. Безусловно, ведущим в песнях является вокальный тип интонирования, который в отдельных образцах дополняется кратковременным включением вокально-сигнального типа (имеются в виду, например, выкрики в круговых танцах *ёохор* и пр.).

Суперсегментными тембрами в восточно-бурятских песнях являются поднятая гортань, слабая или средняя назализация (в некоторых песнях – спорадическая), узкощелевая фонация, в отдельных образцах – верхняя напряженная фарингализация. Встречаются также сегментные однократная глоттализация и вибрация на долгих звуках.

Характерными тембрами западно-бурятских песен также являются назализация, узкощелевая напряженная фонация, поднятая гортань, предельная и непредельная сегментная глоттализация (редкая либо частая у разных исполнителей), суперсегментная тремолирующая непредельная глоттализация, в том числе, выраженная слабо и граничащая с вибрацией. У ряда исполнителей изредка встречается низкая гортань на нижних звуках, нижняя ненапряженная или напряженная равномерная фарингализация, в одном случае – напряженная эпиглоттализация.

Таким образом, западно- и восточно-бурятские песни, отчетливо различающиеся по ладовому критерию, в сфере тембров обнаруживают больше сходств, нежели различий, что, несомненно, свидетельствует о генетическом родстве песенных традиций. В то же время, тембровые особенности восточного и западно-бурятского стилей, наблюдаемые у отдельных исполнителей, говорят, по-видимому, о процессах расхождения двух этнокультурных традиций в результате исторического развития.

Что касается параллелей с другими сибирскими народами, то отмеченные в бурятских песнях назализация, узкощелевая фонация (напряженная и ненапряженная), поднятая гортань, сегментная непредельная и предельная глоттализация свойственны также песням тувинцев-тоджинцев и тофаларов [5, с. 92-93]. Вместе с тем, тоджинские и тофаларские песни отличаются от бурятских образцов суперсегментной палатализацией и сегментной вибрантной ларингализацией.

Восточно-бурятские скотоводческие заговоры исполняются с узкощелевой фонацией. В них также находят применение разнообразные виды глоттализации – однократной и многократной, предельной и непредельной; суперсегментная назализация, усиливающаяся к концу просодически и ритмически долгих звуков; фрагментами – вибрация; в отдельных образцах – звонкошепотная фонация и высокая гортань.

Показательно, что наиболее ясные отличия заговоров от песен обнаруживаются в строках, целиком состоящих из звукосимволических слов и считающихся наиболее архаичными в морфологической структуре данного жанра [2, с. 235]. В отличие от песен, в строках со звукосимволическими словами долгие звуки ровные и не содержат вибрато, а украшения могут быть лишь в самом начале или самом конце их.

Для восточнобурятских колыбельных характерны высокая гортань звонкошепотная фонация (в некоторых примерах – напряженная), слабая и средняя назализация. В отдельных образцах, как и в песнях, содержится однократная сегментная глоттализация, а также вибрация. Кроме того, в ряде случаев встречается высокая гортань в верхнем, низкая или средняя – в нижнем певческих регистрах.

Яркие тембровые различия наблюдаются в эпическом жанре. Восточно- и западнобурятские эпические традиции различаются уже на уровне ведущих типов интонирования, определяющих грамматическую организацию эпической страты [1; 7, с. 369-370]. Так, в восточнобурят-

ских сказаниях чередуются речевой, вокально-речевой (напоминающий тонированную речь) и вокальный типы интонирования. Последний свойственен поющим монологам героев *туурэлгэ*, записанным в 2003 г. от Р.Э. Эрдынеева в с. Усть-Эгита Евравнинского р-на. Их суперсегментными тембровыми признаками являются слабая назализация и узкощелевая фонация; в конце мелострок на низких нотах возникает коррелированная ларингализация в октаву, а в их окончаниях – поднимающаяся гортань.

Отметим, что ларингализация восточно-бурятского эпоса находит параллели в эпических традициях теленгитов, шорцев и хакасов [7]. Кроме того, наблюдаемое в окончаниях слов-символов из звукосимволических строк изменение качества гласного звука в сторону большей открытости аналогично тому же явлению в звукосимволических строках тувинских скотоводческих заговоров. Добавим, что параллели между восточно-бурятскими *туурэлгэ* и заговорными традициями других народов отмечаются и в сфере их ладовой организации [8, с. 34-35], что позволяет предполагать генетическое родство скотоводческих заговоров и музыкального компонента восточно-бурятской эпической традиции.

В восточно-бурятских прославлениях победителей спортивных состязаний, как и в эпосе, наблюдается слабая назализация, узкощелевая фонация, в окончаниях строк на низких нотах – коррелированная ларингализация в октаву. Кроме того, окончания строк исполняются на поднимающейся гортани и, возможно, с палатализацией – последние два тембра отличают прославления от эпоса.

В примере западно-бурятского (эхирит-булагатского) эпического пения из [1] наблюдается слабая назализация, поднятая гортань, на нижних звуках – звонкая, местами звонкошепотная фонация, на верхних звуках – узкощелевая или звонкая. Данные тембровые сочетания – а

именно, общая звонкая, а на верхних звуках узкощелевая фонация, слабая назализация, приподнятая, но опускающаяся на нижних звуках гортань – свойственны и тувинскому эпосу (см. аудиозаписи из [11; 12]). Однако в эпосе западных бурят встречается суперсегментная неопределенная тремолирующая глоттализация, отличающая его от тувинских сказаний и сказок; кроме того, фрагменты бурятского эпического пения с глоттализацией и, как правило, соседние фрагменты исполняются в узкощелевой фонации.

Таким образом, даже первичный обзор тембровых характеристик бурятских фольклорных жанров позволяет говорить о релевантности тембрового признака, различающего наряду с ладовыми, ритмико-архитектоническими, интонационно-мелодическими и другими показателями разные жанровые и локально-этнические музыкально-фольклорные традиции. Кроме того, результаты тембрового анализа позволяют наметить ареальные и генетические связи и различия между традиционными музыкальными культурами коренных этносов, существенно уточнить историческую морфологию современного культурного пространства Сибири.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бурятский героический эпос. Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон / Сост. М.И. Тулохонов. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 38–52. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 2).
2. Кондратьева Н.М. Ритмико-архитектоническая структура теленгитских заговоров и ее историческая интерпретация // Вопросы музыкознания. – Новосибирск, 1999. – С. 226-240.

3. Магтаал: Бурятский фольклорный хор. Рук. Алла Балдаева [Звукозапись]. – Л.: Мелодия, 1981. С30-15624-006.
4. Мазепус В.В. Артикуляционная классификация и принципы нотации тембров музыкального фольклора // Фольклор. Комплексная текстология. – М.: Наследие, 1998. – С. 24-51. (в папке “Мои работы”)
5. Мазепус В.В., Скворцова Н.М. Тофалары и тоджинцы: музыкально-поэтические параллели // Народная культура Сибири: Мат-лы XII науч.-практ. семинара Сибирского рег. вузов. центра по фольклору. – Омск: ОмГПУ, 2003. – С. 91-94
6. Мазепус В.В., Сыченко Г.Б. Тембровая классификация вокальных жанров в интонационной культуре теленгитов // Экологические проблемы, культура и образование: Тез. и материалы Сибирской научно-практ. конф. – Новосибирск, 1993. – С. 65 – 68.
7. Музыкальная культура Сибири: В 3-х т. – Т. 1, кн. 1: Традиционная культура коренных народов Сибири / Новосиб. гос. консерватория им. М.И. Глинки.– Новосибирск, 1997.
8. Новикова О.В. Звуковысотная организация восточнобурятских *туурэлгэ* // Музыковедение. – №5 – 2011. – С. 33–38.
9. Новикова О.В. Пентатоника в песенной традиции бурят. – Новосибирск: Окарина, 2010.
10. Старинные бурятские народные песни [Звукозапись]. – Л.: Мелодия, 1981. С30-15621-005.
11. Тувинские героические сказания: Хунан-Кара. Боктуг Кириш, Бора Шелей. – Новосибирск, 1997. – С. 39-52. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 12).
12. Тувинские народные сказки. – Новосибирск, 1994. – С. 35-48. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 8).